

Magyelle
Gehone

XX век

Вадим Делоне
С Т И Х И

ВАДИМ ДЕЛОНЕ

СТИХИ

1965-1983

La Presse Libre
Paris

Titre original en russe:

VADIM DELONE
STIHI

© Editions de «La Presse Libre»
217, rue Faubourg St.Honoré
75008 Paris

ISBN 2-904228-20-9

Tout droits réservé pour tous pays.
Toute reproduction, même partielle, de cet ouvrage est interdite.
Une copie ou reproduction par quelque procédé que ce soit,
photographie, microfilm, bande magnétique, disque ou autre,
constitue une contrefaçon passible des peines prévues par la loi
du 11 mars 1958 sur la protection des droits d'auteur.

Imprimé en France.

Вадим Делоне (1947-1983)

В настоящей книге поэтическое наследие Вадима Делоне представлено с наиболее возможной сегодня полнотой. К сожалению, большое число его стихов 60-70-х годов было изъято на обысках, и во многих случаях это были единственные экземпляры. Часть их поэт восстановил по памяти, часть пропала безвозвратно.

Мне мнилось — будет все не так.
Как Божья милость, наша встреча.
Но жизнь — как лагерный барак,
Которым каждый изувечен.

Мне мнилась встреча наша сном,
Чудесным сном на жестких нарах,
Кленовым трепетным листком,
Под ноги брошенным задаром.

Но ветер кружит серый снег
По тем полям, где мы бродили,
По тем краям, где мы ночлег
И место встречи находили.

Мое пустое ремесло
Слагать слога и строить строчки...
Пусть скажут — в жизни не везло,
Все обещания бессрочны.

Пускай грехи мне не простят —
К тому предлогов слишком много,
Но если я просил у Бога,
То за других, не за себя...

Париж, 1982

I

КОНЦЕРТ МЕНДЕЛЬСОНА

За окном бесконечно и сонно
Дождь осенний шумел монотонно.
Ветер выл и врывался со стоном
В звуки скрипки, в концерт Мендельсона.

Мне давно не бывало так больно,
И давно не сидел я бессонно,
Так устало и так безвольно,
Так ушедши в концерт Мендельсона.

Пробежав в проводах телефона,
Голос боль мою выдал невольно,
Ты спросила меня беспокойно —
Что случилось с тобой, что такое?

Я б ответить не мог односложно,
Будь ты даже тем самым стоном,
Что звучал среди ночи тревожно
Скрипкой страстною Мендельсона.

Москва, 1965

---

* * *

Колокольни ясные на заборы молятся,
Колобродят ясени — к осени готовятся.
Колымага желтая, где твоя дорога,
Если мало черта мне, привези мне Бога.

Колымага хриплая скуку нааукает,
Если мало крика мне — одарит разлукою.
Если беден-голоден, одарит листвою,
В колыбели-городе ветром успокоит.

Колокольни ясные на заборы молятся,
Колобродят ясени — к осени готовятся.

Москва, 1965

---

* * *

Леониду Губанову

Пусть каналы рвут камелии,
И в канаве мы переспим.
Наши песенки не допели мы —
Из Лефортова прохрипим.

Хочешь хохмочку — пью до одури,
Пару стопочек мне налей —
Русь в семнадцатом черту продали
За уродливый мавзолей.

Только дудочки, бесы властные,
Нас, юродивых, не возьмешь,
Мы не белые, но не красные —
Нас салютами не собьешь

С толку, стало быть... Сталин — отче ваш.
Эх, по матери ваших бать.
Старой песенкой бросьте потчевать —
Нас приходится принимать.

Три дороженьки. Дар от Господа
В ноги идолам положи.
Тридцать грошиков вместо Посоха
Пропиваючи, не тужи.

А вторая-то прямо с выбором —
Тут и лагерь есть, и тюрьма,

И психушечка — тоже выгода
На казенные на хлеба..

Ну, а третья... Долей горек тот,
Если в этот путь занесло —
Мы б повесились, только толку что,
И невесело, и грешно.

Хочешь хохмочку — пью до одури,
Пару стопочек мне налей —
Русь в семнадцатом черту продали
За уродливый мавзолей.

Москва, 1965

ТЕНЬ

Заброшу всё и время разорву,
Как рвут траву, отчаявшись в дыханье.
Луна на небе, как бельмо в глазу,
И в свете звезд не сыщешь состраданья.

Лишь косятся угрюмые дома.
Сполна устав, понурый день
Обвис, упал, в тиши одна
Следить за мною потащилась тень.

Потягиваясь, будто бы со сна,
Она число кварталов отсчитала...
Достать до сна, как до пути конца,
До берега спасенья, до причала.

Одну лишь честность только сберегу...
О простыни! Белей песка на мысе.
Волной, что достает на берегу,
Слизнут покой, подкатываясь, мысли.

Не деться никуда во сне от снов.
Почудится, что снова я плыву,
И тяжесть рук, и рву гряды валов,
Мечусь в постели и иду ко дну,
Иду ко дну, как будто наяву.

Москва, 1966

---

* * *

В. Буковскому

Не пройдет прощанье карнавалом,
Не придется бегать по бутылки —
И тебя проводит до вокзала
Ржавый смех начальства пересылки.

Конвоир отхаркается шуткой —
Станет жутко или безразлично.
Усмехнутся, хвастаясь рассудком,
Либералы в комнатах столичных.

Поболтают с час о Дон-Кихотах,
Разойдутся чинно по семействам,
А тебя потопят в анекдотах,
Как свое гражданство в фарисействе.

Да и я ведь сам немногим лучше.
В комнатенке скомкан нелюдимо —
Я с тобой расстался, как попутчик,
На скамье унылой подсудимых.

Но не так, не так ведь расстаются,
Дай мне, Боже, сил, помилосердствуй
В час, когда колеса пронесутся
Дрожью барабанною по сердцу.

Петухи не каркали три раза,
На допросы молча выводили,

Но подвел меня проклятый разум,
Перевесил сердце и осилил.

Все же не солгу и не утешусь —
Будь спокоен, друг мой, будь спокоен —
Я с тобою, если не повешусь,
Если только быть с тобой достоин.

Москва, 1967

---

* * *

Я огорошен звездным небом,
Как откровением лица —
Такая грусть, такая небыль
И неразменность до конца.

И лишь дрожащую улыбку
Пошлет на землю через гладь
Звезда, упавшая затылком,
И жалко, некому поднять.

Я огорошен, я доверчив.
Так чудно ясность воспринять,
А этот мир — он так заверчен,
Что до истоков не достать.

Я будто тронутый немного
С рожденья Господа рукой,
Землею мучусь, как тревогой,
Болезнью болен лучевой.

Ударюсь в грязь, не плакать слезно.
Что одинок — к чему пенять.
Да что там, падают и звезды,
И тоже некому поднять.

Москва, 1967

---

* * *

А.Епифанову

А Москва опять меня обманет,
Огоньками только подмигнет,
Пару строк на память прикарманит,
Да и те не пустит в оборот.

Понесет, сбивая с панталыку,
В переулках утлых наугад.
Мне бы только тихую улыбку —
Я других не требую наград.

Мне бы лишь глоток прозрачный неба
Губы пересохшие смочить,
Да по мне слезу — светлее вербы,
Чудом заставляющую жить.

Забубнят о чем-то злые будни,
Пересуды сузят тесный круг.
И ночей полудни беспробудней,
Тяжелее трудностей досуг.

И опять в Москву, как в омут мутный,
Окунусь, уйду я с головой.
Ты постой, мечтой меня не путай,
Ну куда же денусь я с мечтой.

Москва, 1967

---

* * *

Ты ищешь свое отраженье
В моих напряженных глазах,
Но только любовь — не спасенье,
А лишь отпущенье в грехах.

Но только любовь — не удача,
Назначенный свыше просвет,
А просто цепочка чудачеств,
И в них не укрыться от бед.

И только подкожным страданьем
Любовь повторяется в нас.
Короткое рук замыканье,
Прощанья назначенный час.

Москва, 1968

ЛАГЕРНЫЕ ЭКСПРОМТЫ

Шли, качая бедрами, барханы,
Как стога, усталые, к закату,
И земля лежала бездыханно,
Жарким ветром скомкана и смята.
Ветер гнал песчинки по пустыне,
А слова метались по простору...
Он-то знал, что сказанное ныне
Обернется смертным приговором.
«Горе и позор вам, фарисеи!
Сколько можно лгать и лицемерить,
Нет греха на свете тяжелее,
Чем людей обманывать на вере!
Кто из вас, пустых фразеров, вправе
Толковать слова Священной Книги!
О своем печетесь только благе,
Пробиваясь в пастыри интригой.
Кто из вас судить кого-то может!
Сами ведь грешите вы, не каюсь,
Ради власти лезете из кожи,
На людском доверьи наживаясь!»
Он простил Пророку отступленье,
Он сказал: «В раю разбойник будет»,
И Иуде не грозил отмщеньем —
Знал, что тот и сам себя осудит.
Под крестом оплеван и осмеян,
Обводя людей тревожным взором,
Не простил Он только фарисеям,
А грозил им горем и позором.

---

*

Эх, приверженцы новых владык,
Кто от жизни оставил мне толику.
Мне живой бы напиться воды
Из колодца московского дворика.

Я один, словно сорванный с круч
При падении треснувший колокол.
Ветер тащит скопления туч
Сквозь колючую проволоку волоком.

Эх, трясина штрафных лагерей!
Сколько дней и ночей, сколько месяцев
Ты урвала у жизни моей
И смешала в безликое месиво.

Но какие же, судьи мои,
Вы на душу запреты наложите?
Отлучивши меня от земли,
От Небес отлучить вы не сможете!

Что ж, охранники новых владык,
Пусть поют вам осанну историки.
Мне живой бы вот только воды
Из колодца московского дворика.

*

Давали Баха. Скрипку, не хорал...
А зал сгибался, Баха принимая,
И звук людские души колыхал,
Как ветер колыхает листья мая.

Звук разрушал привычных мыслей фарс,
Вел за собой огромный зал сурово.
Давали Баха, как последний шанс
Уверовать в бессмертие земного.

Давали Баха... Маленький скрипач
Возможно был в душе и безразличен
К своей игре, но в зале вызвал плач.
Давали Баха, как урок величья.

Давали Баха. В тот же самый день
Давали залп, за ним еще давали
По хижинам вьетнамских деревень,
И лагерные пайки нам давали.

Но девочка письмо мне в лагерь шлет,
Мол, был концерт, мол, ты бы просто ахнул.
Не все еще потеряно, не все —
Пускай не мне, дают же все-тки Баха!

*

И опять, выбиваясь из сил,
Я срываюсь на сдавленный крик.
Небосвод надо мною так синь,
Хоть совсем на него не смотри.

И опять по ночам, как в бреду,
Я мечусь, равновесье теряя,
На свою уповаю звезду,
А звезда эта тает и тает.

И опять за стенами квартир
Как по мне голоса патефоны,
Весь безумный, весь радостный мир
Мне объявлен запретною зоной.

У отчаянья на краю
Я качнусь и опять выпрямляюсь,
И как будто в неравном бою,
Не живу я, а выжить стараюсь.

Ты на слове меня не лови
Ради скуки, каприза ради.
Вся душа моя в липкой крови,
Словно губы твои в помаде.

Я устал, как заброшенный дом.
Где-то люди любовь коротают.
Взгляд твой душу берет на излом,
По ночам иногда настигая.

*

Как беглый каторжник, стою перед тобой.
Глаза твои — живой мираж спасенья,
А белый снег летит над головой,
Реальность придавая сновиденьям.

Скрипит метель в глуши пустых ночей,
Хрипит барак, тревожно засыпая.
И бьется солнце за колючкой лагерей,
Как пойманная рыбка золотая.

Вот выкликает лагерный конвой
Фамилию мою и год рожденья,
И я стою с побритой головой
Под медленной пыткой униженья.

*Тюменский уголовный лагерь,
1968-1971*

ЗАМЕТКИ К АВТОБИОГРАФИИ

Посвящается И.Белгородской

Э п и г р а ф ы

Господи, пусть минует Меня чаша сия.

Евангелие от Матфея

Если Ты меня не отлучил
От земли ничтожной и кровавой,
Дай мне, Боже, сил, немного сил,
Не прошу, чтоб чаша миновала.
Не прошу, я всю пройду до дна
Чашу горя, злобы и позора.
Наплевать, что светит мне луна,
Все равно — что небо иллюзорно.

Пройдя подъем горы наполовину,
Он понял вдруг — ни шагу не шагнуть.
Просил воды, своих просил и римлян,
Неспешно продолжавших долгий путь.
Им крест не несть, звучала просьба глухо,
Злорадный смех пронесся по рядам,
И кто-то укусом насыщенную губку
Ему, глумясь над болью, передал.

Что-то в белых снегах беспокойное,
Что-то в беглых словах непристойное.
Просыпаюсь с утра — и не хочется жить.
Вечерами я пьян — хоть не хочется пить.

Наказал меня Бог даже больше, чем мог, —
Все, чем жил я, — отнял, а меня уберег.
Так зачем я Ему, да и мне белый свет,
Лучше снова в тюрьму или под пистолет.

Только знаю — за что меня Бог наказал,
Я когда-то кричал и в ночи повторял,
Что, мол, чашу свою до конца я допью,
Мол, чужие грехи и свои искуплю.

За свободу — кричал — я и жизнь вам отдам,
Хоть в Сучан посылай, хоть сейчас в Магадан.
Я не буду молчать, я не стал подлецом —
А ворье и конвой мне смеялись в лицо.

Словно ветром меня в лагеря понесло,
Никогда не жалел я о дерзости слов.
И вернулся сюда, где этапов не ждут,
Где считают года на копейки минут,
Где уюты блюдут, городят города,
Где других узнают, а себя никогда.

Я вернулся сюда, как из мира теней,
Думал — все отстрадал, думал — пой, мол, да пей,
Но в глазах суета беспокойных снегов,

Лай собак и барак и тоска вечеров.
Я бы кинулся в крик — там остались друзья —
Только губы твои утешали меня.

Но за гордость мою Бог настиг, наказал
И тебя у меня просто взял и отнял.
Как прикладом в висок, глухо грянул звонок,
Эх, зачем не за мной вы пришли на порог.

Тихо Богу твержу — я смирился, поверь,
Пусть минует ее эта чаша теперь.
Бог смеется в лицо, подшутив надо мной,
Как смеялось ворье, как смеялся конвой.

*

Только галки вязнут в грязных тучах,
Только снег скрипит по крышам ржавым.
Ничему тюрьма нас не научит,
Кроме чувства жалости, пожалуй.

Тихих слов никто не скажет на ночь,
День сосулькой оборвется в вечность,
И твои мечты разгонит напрочь
Тенью по стене скользнувший вечер.

Лишь шаги охранников у двери —
Чем твоя душа там только дышит?
Я с тобой, поверь мне, ну поверь мне,
Даже если слов моих не слышишь.

Я представить пробую, я мучусь,
Что за сны тебе сегодня снятся.
Стены комнат стен тюрьмы не лучше
В час, когда бессильем жутким смят ты.

Только галки вязнут в грязных тучах,
Только снег к окошкам липнет, липнет.
Я впервые проклиная участь —
Ни уйти, ни броситься, ни крикнуть.

*

Как страшно, что у дней моих названья
Такие же, как тяжких дней твоих.
Мелькают их пустые очертанья,
Как под ногами плиты мостовых.

Нелепа календарных чисел смета
И не попадет явление весны.
Мечусь я от заката до рассвета,
Как от стены и снова до стены.

Прошу о жизни — нет — мне отвечают,
Прошу о смерти — отвечают нет.
У проходной тюрьмы меня встречают
И просят — предъявите документ.

*

Быть жертвой родины — куда нелепей честь.
Я мог бы уберечь тебя от боли.

Теперь друзей по пальцам перечесать,
Тем более оставшихся на воле.

Так о каких еще привычках речь,
К чему взывает строчек бестолковость.
Какая новость — жизнью пренебречь.
Срок лагерей — какая это новость.

Так что ж мы ждем, пока придет конвой,
Как смерти ждет задумчиво подранок.
Не лучше ли махнуть на все рукой
И родину считать за полустанок.

И то, что не уехал, верно — грех,
Пусть кто-то усмехнется, осуждая.
Я молча подымаю руки вверх
И все же этот край не покидаю.

Как знать, где потеряешь, где найдешь.
С кошмаром снов страшней всего бороться.
Слова стучат по дну души, как дождь
Стучит по дну засохшего колодца.

Все кончено... судьба слепа, как черт,
Которому огонь спалил глазницы.
Мне снова предъявляют ложный счет
И, кажется, придется согласиться.

Все кончено... душа моя слаба,
Отчаянье в виски мои стучится,
Как будто сумасшедший по столбам
По телеграфным, чтобы дозвониться.

А ты в тюрьме, и больше силы нет
Ни бросить, ни закончить строки эти.
Прости, что не увез тебя от бед,
Но лишь перед тобою я в ответе.

Все кончено, судьба слепа, как черт,
Которому костер спалил глазницы.
Я никогда не брал ее в расчет,
И это отольется мне сторицей.

Москва, 1973

---

* * *

В. Сендерову

Душа неделима и, льдинкою вниз
Упав, о карниз разлетится со звоном,
А я этой смерти пустым эпигоном
Все буду цепляться за слово: держись.

Москва, 1975

---

* * *

А. Хвостенко

Есть воля, есть судьба, есть случай странный,
Есть совпадение листьев на земле,
И совпадение мелочи карманной
С ценою на бутылочном стекле.

А власть поэтов, словно прелесть женщин,
Изменчива, и сразу не поймешь,
Чего в ней больше — фальши или желчи,
И что в ней выше — смелость или дрожь.

Москва, 1975

---

* * *

Ветер красной играет листвою,
Словно карты крапленые мечет,
И березы стоят над душой,
Как стоят над покойником свечи.

Звон протяжный не молкнет в висках.
Может, праведна кровь — я не знаю.
Так к отбою звонят в лагерях,
Ржавой рельсой над зоной бряца.

Только это не крик и не страх,
На словах и стихах не клянутся.
Просто я в подмосковных лесах,
Мне сюда никогда не вернуться.

Москва, 1975

---

* * *

Что родной заколдованный круг площадей,
Что березок щебечущих стая,
Если, душу задув, словно пламя свечей,
Я могилы друзей покидаю.

Ни к чему говорить, только страшно молчать —
Тяжелей разговора пустого,
Хоть полслова родного еще услышать
И ответить хотя бы полслова.

Я слова эти в тюрьмах твердил по ночам,
Где хрипел, где растратил впустую,
Где делился, как пайкой, с людьми пополам,
А теперь я забыть их рискую.

Что мне свет вековой белопенных церковей,
Что запрет на круги на свои возвращаться,
Если к тем, кто теперь за чертой лагерей,
Ни на помощь прийти, ни прийти попрощаться.

Что мне смех обо мне или память по мне,
Я и сам ведь себя не узнаю,
Если в чьей-то стране мне приснится во сне,
Как за проволкой солнце блистает.

Что мне страх перед шумом чужих городов —
Я здесь радость и боль оставляю,
Строки старых стихов, строки новых стихов,
Словно клятву себе забываю.

Москва, 1975

---

* * *

Перезвоны городских трамваев,
Ветер в спину, Вена, вензеля.
Счастье в том, что мы не угадаем,
Что нам можно, а чего нельзя.

Счастье в том, что будущего нету,
Счастье в том, что прошлое в крови,
Только в лицах встречных мало свету,
Только трудно с ними говорить.

Только мыслям некуда приткнуться,
Словно нищим в круге площадей.
Только утром тягостно проснуться
Без надежды увидеть друзей.

Перезвоны городских трамваев,
Ветер в спину, Вена в вензелях.
Мы еще словами поиграем,
Как с судьбой играют на костях.

Вена, 1975

---

* * *

А камни с шуршаньем ложатся в песок,
А камни, хрипя, расстаются с прибором.
Вот так же и мы расстаемся с судьбою.
Нам каждое утро, как пуля в висок,
И день протяженностью в лагерный срок,
Когда и к словам о любви равнодушен,
Когда словно окрик в ночи одинок,
Как будто убитых забытые души, —
Тогда и вина не спасает глоток.
А камни с шуршаньем ложатся в песок,
А камни о берег неистово бьются —
Так рвутся стихи, так себе признаются,
Что судоргой строк не достигнут итог.
А камни с шуршаньем ложатся в песок.
Так с болью срывают гитарные струны,
Так разом бросают всё то, что берёг,
И в путь отбывают, как падают с ног,
Поднявшись по трапу, как будто по трупам.
А камни навеки ложатся в песок,
В себе сохраняя дыханье прибоя —
Так мы сохраняем еще за душою
Шуршание слов и сумятицу строк...
Но зыбок песок, словно памяти срок.

Вена, 1976

---

* * *

В.Максимову

Вся душа в пограничных ребристых столбах,
Даже страха в ней нет, я тоскую о страхе,
Как тоскует отверженный Богом монах,
Как отпетый разбойник тоскует о плахе.

Вся душа перечеркнута, как черновик,
Да такой черновик, что нельзя разобраться —
То ли дом на песке, то ли храм на крови,
То ли эхо шагов по тюремному плацу...

Париж, 1978

---

* * *

В.Максимову

Я взгляды буржуазные бичую,
Смотрю канкан и пью за тех, кто там...
Мир оказался вовсе не причудлив,
А прост, как мышь, попавшая в капкан.

Как прапорщик, сорвавший эполеты,
Я не пригоден больше ни к чему,
Но если Бог не требует ответа,
Не следует с ответом лезть к Нему.

В бараке муза... помнишь ли, в оборках,
Тайком склонясь над бритой головой...
Да только запах грязи и махорки
Еще стоит, как ладан, надо мной.

Нас гонят так, как в день не гонят Судный,
Расплата эта нам не по стихам...
Здесь тоже по ночам приходят музы —
Химеры из собора Нотр-Дам.

Париж, 1978

БАЛЛАДА О СУДЬБЕ

М. Шемякину

Горький привкус весеннего неба,
Стаи статуй в саду Люксембург
На утеху тебе и потребу,
Чтобы вновь не настиг Петербург.

Вербный привкус весеннего неба...
Не в серебряном веке живем...
Не спешите, не нужен молебен,
Мы и сами его подберем.

Мы таскаем судьбу на загривке,
Как кровавую тушу мясник.
Наши души пойдут на обивку
Ваших комнат под супером книг.

Как застыла в молчаньи Психея —
Жест с надломом и горькой тоской!
В час, когда мы прощались с Расеей,
Нам вот так же махнули рукой.

По холсту расплзаются краски,
Словно кровь от искусанных губ...
Нам бы в легкой старинной коляске
Пролететь по тебе, Петербург!

Солнце сгорбится, крыши обшарив.
Тоже ищет, наверно, приют...

По «Крестам» нас сгноить обещали —
Пусть теперь нашу тень стерегут.

Горький привкус весеннего неба,
Беглый месяц мигнет из-за туч...
Где ты, церковь Бориса и Глеба?
Где на ордере штамп и сургуч?

Париж, 1979

ВЕНЕЦИЯ

Я все твержу — душа бы не иссякла,
Вся исковерканная в судоргах дорог...
Гадайте по созвездьям Зодиака!
И обивайте, дни свои оплавав,
Порог шербатый Млечного пути...
На карту всё и душу в лоскуты.
Загадывайте ночи напролет! —
Паденье звезд удачи не несет...
Я ветреной Венеции поклонник,
Дивлюсь дворцов фасадам и дворам,
Но над душою призрак дней неволи,
Застывшие в молчаньи колокольни,
Иконы, обращенные в дрова.

Париж, 1979

---

* * *

Тени синью набрякли,
Словно вены в запой...
Здесь кварталы, как грядки,
Как шитье с бахромой.

И фонарные блики
Поплавками в воде...
Может, Петр Великий,
Это снилось тебе?

Триумфальные арки
И безглавый костел...
Разлинованным парком
Не пойдешь на костер.

Все мы правды просили,
Я к возмездьям привык...
И бреду от Бастильи
Прямым к Республик.

Париж, 1980

А сунут финку под ребро —
конец страданьям.
Давно в бега ушел Рембо —
избрал скитанья.
Он чем-то с кем-то торговал
в стране верблюдов
И много дней там промотал,
поверив в чудо.
Он замолчал, он оборвал,
забросил песни,
И я его не повстречал
на Красной Пресне.
А жаль, мне правда очень жаль —
любитель шуток,
Он разогнать бы смог печаль
на пару суток.
Нас время как-то не свело
в аккордах лестниц,
Пойдет душа моя на слом,
как дом в предместье.
Я уложусь в свою строку,
как в доски гроба,
И пусть венков не соберу —
я не был снобом.
Я по парижским кабакам
в огнях угарных,
Но нет Рембо, а значит, там —
бездарность.
Я в прошлом путаюсь своим,
все сны — погоня,
И для чего мы здесь живем —
я смутно помню.

Не смею словом покривить —
такая малость,
И дней связующая нить
поистрепалась.
Бредет душа по мутным снам
с неловкой ленью,
Играют Баха в Нотр-Дам
по воскресеньям,
Орган разносит гул токкат
за грань столетий,
Наотмашь бьет шальной закат
по крышам плетью,
А листья гаснут на ветру
в дожде осеннем,
И я ловлю их на лету —
ищу спасенья...
Пусть дни пропали — в снах своих
я к ним прикован,
И нет Высоцкого в живых —
он зарифмован.

*Париж,
30 июля 1980*

---

* * *

Владимиру Максимоу

Всё позади... и близких не найдешь,
Остолбенеешь, коли обернешься,
Но если слово сказанное — ложь,
То и в молчаньи лжи не оберешься.

И к сердцу вновь подкатятся слова,
Как легкая волна к осколкам брига...
Чем кончится кровавый карнавал?
И долго ли нам путаться в веригах!

Скрип тормозов, как скрип холодных нар...
Опомнись от полночного виденья,
Бродяга, не забудь про Краснодар,
Где пар земли рождал стихотворенье.

Не страшно, что никто не слышит нас,
Но жутко, если губы онемели.
Я верю в правоту коротких фраз
И в тех, кто погибал не ради цели.

И пусть судьба маячит, как конвой,
Мелькают тени чуждых сердцу храмов,
Пусть жизнь пустой промчится эпиграммой,
Мы вправе... посмеяться над собой.

Париж, 1980

ПОЭТ И ПРОФЕССОР

В.Максимову

Они спешили — кто под свод острога,
Кто боль сорвать в скандалах кабака,
И если что просили, так у Бога,
И знает это Бог наверняка.

Один погиб, поскольку был рассеян,
Другой стрелял, но дрогнула рука...
И пишут про Расею фарисеи,
И продают иконы с молотка.

По этикеткам нашу кровь расклеив,
Копайтесь в прошлом, датами шурша!
В бушлате пепла скомкана Помпея,
В осколках неразменная душа...

Париж, 1980

---

* * *

А. Хвостенко

Лучше бы пить вино
В честь голубых гусар
Или простых бродяг
С теми, кто с виду нагл,
Ну а душою наг.
Только бы звон гитар
И никаких присяг.
Пусть Абакан и Крит
Сизым огнем горят.
То нам тюрьма грозит,
То не добыть деньжат.
Голову заложу,
Только не за себя.
То, что в душе ношу, —
Это не истребят.
Что волноваться мне —
Свет или тьма в окне,
Был бы я на коне,
Только лошадки нет.
Скачут они в полях,
Ставки на них в бегах.
Наш же с тобой побег
Белый освищет снег,
Горько лизнет в лицо
И разомкнет кольцо.

Всякая кутерьма,
Можно сойти с ума,
Только к чему спешить.
Сшиты на нас досье,
Может быть, даже пять,
Только живем досель,
Что ж на судьбу пенять.
Лучше винца испить
В честь голубых гусар
Или простых бродяг,
Тех, кто по виду нагл,
Ну а душою наг.

Париж, 1981

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Дантес, мне интересен этот час,
Я комкаю рассвет, как одеяло,
Я медлю над строкой на этот раз,
Хотя уж мне-то медлить не пристало.

Ну вот, осталось только разрешить,
Кто ловче, кто удачливей стреляет,
Кому еще чуть-чуть осталось жить,
Кого поземка с жизнью развенчает.

Сегодня, как мне кажется, четверг,
А может, вторник, я наверно спутал,
И на дворе такой блестящий снег,
Что пачкать кровью как-то неуютно.

Из-за любви стреляться в этот час...
Зима зимой, а солнце вон к восходу.
В угоду сплетням, нет, скорей в угоду
Тщеславию, что всего превыше в нас.

Да, глупо, что мы ближе не сошлись,
Вот разведут на выстрел секунданты,
Вон пес завыл, хоть прямо щас крестись,
Не от обиды тяжело — от таланта.

Я помню острословов всех веков,
Друзья мои на каторге, в Сибири.

Я не был подрывателем основ,
Они меня об этом не просили.

Я сожалею, право, виноват...
Стреляться за республику глупее,
Чем так, как мы, а что до портупей,
То в каждой одинаковый заряд.

Был на приеме как-то у царя,
Ну царь, как царь — к чему такая буча,
Я возразил, что, дескать, вешать зря,
Веревка ничему их не обучит.

Мне лень заняться собственной душой,
А вам души моей заняться тенью...
Как пахнет ельник влагою густой!
И что считать от чести отступленьем...

Париж, 1981

II

---

*В этот раздел включены
шуточные стихи, пародии, песенки.*

МОЯ РОЛЬ В РЕВОЛЮЦИИ

Четвертые сутки в туманной столице
Сидит за решеткой четверка ребят,
За вольное слово, за правды страницы
Готовит им суд кагебистов отряд.

Полсотни честнейших ребяток московских
Назавтра на площадь за тех, кто в тюрьме,
Раздайте плакаты, Владимир Буковский!
Налейте по стопке, поэт Делоне!

Мелькают Арбатом знакомые лица,
Шальные попойки приходят во снах.
Не падайте духом, сидя в психбольницах,
Не падайте духом в тюремных стенах!

Довозят до дома подонков таксисты,
Дрожит в ресторанах мерцающий свет,
За нашим бокалом сидят кагебисты
И девочек наших ведут в кабинет.

Поднимем над площадью наши плакаты,
Ведь нас вдохновляет свобода одна.
Владимир Буковский — три года на карте,
И вас, Делоне, ожидает тюрьма.

Москва, 1966

---

* * *

Спасти́сь стара́ясь от ма́разма,
Кото́рый кре́пче, че́м моро́з,
В Росси́и пью́т отню́дь не пра́здно,
А де́ловито и всерье́з.

Москва, 1966

---

* * *

Ходят слухи по Москве, бродят слухи,
Что судили кого-то за что-то
И что после этой самой заварухи
Почему-то выгоняют с работы.

Вон того-то прогнали в три шеи,
Письмецо подписал он всего лишь,
А бывают такие злодеи,
Коиx даже никак не уволишь.

Вот попробуйте Петю Якира —
Был папаша его командиром,
Вел в атаку полки на гражданке —
Так войдите в положенье Лубянки.

А теперь этот Петя гуляет
И считает Чека должниками,
По волне Би-Би-Си призывает
Комсомольцев считать стукачами.

Говорит, что неправильно судят, —
Ну, нашел себе тоже заботу,
Ведь его самого не убудет,
Если там и посадят кого-то.

Раз сажают, так, значит, так надо.
Нет же, стали еще препираться!
Это ж вам не Париж, не Канада,
Чтобы разной хуйней заниматься!

Ходят слухи по Москве, бродят слухи,
Что судили кого-то за что-то
И что после этой самой заварухи
Уж нельзя рассказать анекдота.

Москва, 1967

УЛЫБКА В СОБСТВЕННУЮ СТОРОНУ

Я в метро опускаю пятак —
Двое в штатском идут по пятам,
Я за водкой стою в гастроном,
А они сторожат за углом.

Ну так что же, пускай будет суд,
Пусть года мои в лагере канут,
Меньше трех мне уже не дадут,
Ну а больше семи не натянут.

Ну так что же, пускай прокурор
Настоят на своей полной мере,
Би-Би-Си призовет отменить приговор,
Но народ ихней прессе не верит.

Но народ все равно не поймет, что к чему,
Что за письма писал и баллады.
Оттяну я свой срок и опять про тюрьму
Вам стихи почитаю с досады.

Ты в метро опускаешь пятак,
Ну а двое идут по пятам,
Ты за водкой стоишь в гастроном,
А они сторожат за углом.

Москва, 1968

ПАРОДИЯ НА ПЕСНЮ ВЫСОЦКОГО
«ВЕЩИЙ ОЛЕГ»

Как ныне собирается Брежнев-генсек
Щита набивать на ворота,
Как вдруг появляются семь человек
И ну шепелявить чего-то,
И ну голосить ни с того ни с сего:
«Долой оккупантов! Свободу — и всё!»

А он-то ведь только собрался «на вы»,
Собрался на чехов с ударом,
Как вдруг прибежали с плакатом волхвы,
К тому же разя перегаром,
И ну голосить ни с того ни с сего:
«Долой оккупантов! Свободу — и всё!»

Дружина кричала: — А ну, разойдись!
Мы всех вас посадим на пайки!
Напились с утра, так пойдя похмелись,
И неча выкрикивать байки,
И неча вопить ни с того ни с сего:
«Долой оккупантов! Свободу — и всё!»

Волхвы не сносили, конечно, голов —
Шутить не можете с князьями,
И быстро чекисты хватали волхвов,
И кончилось все лагерями.
Ишь, говорят ни с того ни с сего:
«Долой оккупантов! Свободу — и всё!»

А Брежнев-генсек свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул,
Волхов он лишь раз про себя помянул,
И то саркастически хмыкнул:
Ишь, говорят ни с того ни с сего:
«Долой оккупантов! Свободу — и всё!»

Лефортовская тюрьма, 1968

ПИСЬМО ЕВТУШЕНКО

Простите мне, Евгений Евтушенко,
Небрежность рифм при обращении к Вам,
Но где найти изящные оттенки,
Мотаясь по сибирским лагерям.
К тому же лейтенант один, оратор,
Большой любитель Ваших добрых строк,
Меня в штрафной сажает изолятор,
Едва найдет исписанный листок.
Вы всё в делах, наверно, за границей
Для Литгазеты пишете отчет,
Для той, в которой некто Солженицын
Был в клевете на строй наш уличен.
Да, всё дела... Наверно, подустали —
От широты до новой широты.
Прошли года, и Вы, как слышал, стали
С наследниками Сталина на «ты»...

*Тюменский уголовный лагерь,
1969*

---

* * *

Не спится мне, не спится,
Когда не слишком пьян,
Все снится заграница,
Проклятый Иордан.

Снежок идет последний,
А там, поди, жара,
Но если не уеду,
Повяжут мусора.

А там шумят фантомы
Над линией огня,
А здесь одни парткомы,
Психушки, лагеря...

Москва, 1975

ОТЪЕЗДНАЯ АНТИСЕМИТСКАЯ

Последний раз шагаю по Арбату...
Кто виноват — евреи виноваты,
Открыли, гады, выезд на Синай —
И вот прощай навек, родимый край.

Ко мне с утра звонит майор с Лубянки,
Мол, собирай ушанки и портянки,
А мы, родную партию лелея,
К жидам отправим даже нееврея.

В последний раз дойдем до гастронома,
Пусть нет квартиры, дачи или дома,
Я б эту визу продал за полбанки
Майору с нашей доблестной Лубянки.

В последний раз строим мы в бакалее,
Кто виноват — конечно же, евреи,
Они всегда в неладное суются,
То за кордон, то в пламя революций.

В последний раз нажремся на таможене,
А дальше пить придется осторожней,
А то проснешься утром на Бродвее,
Кто виноват — конечно, иудеи.

Шереметьево, 1975

АРИЯ АРМАНА МАЛУМЯНА

(История о том, как герой французского Сопротивления Арман Малумян после войны поехал с родителями на историческую родину в Армению, чем это путешествие закончилось и почему Арман Малумян требует компенсации у Брежнева).

Я жил у мамки с батеею
В Париже как-никак,
Зубрил «про демократию»,
С лимоном пил коньяк.

Гулял себе аллеями
По саду Люксембург,
Но немцы — змеи змеями,
Затеяли пургу.

Войной не обездоленный,
Я взял оружие сам,
Поскольку недоволен был
Проверкой по хуям.

Попала пуля в голову,
Но вот им хуй с приправою,
Чуть не руками голыми
Мы дрались с их державою.

Войну закончил лихо я —
До жопы в орденах,
Да ран — десяток с нихуем
В башке и на маслах.

Известнейшим лепилою
Был мой родной пахан,
Вот тут и потащило нас
По дури в Ереван.

Там, как удар по темени —
Все бляхи посшибали,
Поймали, бля, в Армении
И чуть не разменяли.

Учили, бля, положение,
Рядили так и сяк
И в виде одолжения
Всучили четвертак...

Накроешься обмотками,
Друг дружку греешь спинами.
Года у всех короткие,
Срока, однако, длинные.

По-русски научился я
На азбуке блатной,
И очень быстро слился я
С тюремною братвой.

Гремел в метели ребрами,
Мудохал стукачей.
Страны изменник ебаный,
Неясно только — чьей.

Бросали в лёдник карцера
И брали на прицел...
И все же я во Францию
Вернулся, жив и цел.

Теперь живу по-прежнему —
Армянский крепок хуй,
Шлю ксиву прямо Брежневу,
Возьми и поцелуй.

Париж, 1980

В.МАКСИМОВУ
К 50-му ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Куралесит в небе месяц
По-над всей Европою,
Если вдруг Максимов весел,
Приступ у Андропова.

*Максимовский перепляс. Слова Делоне.
Музыка народная - блатная - хороводная.*

Жизнь шальная, верь — не верь,
Чуть постарше «старки»,
Пил в подъезде, а теперь —
В Триумфальной арке.

Под горой течет река
И зовется Сеною.
Я про тюрьмы мудакам,
А они про цены мне.

Раньше книжицу прочтут
И потом сжигают,
А теперь сочли за труд —
Просто не читают.

Тут вокруг профессора
В морду тычут синтаксис:
«Что ж ты, парень, обозвал
Белля жопой с кисточкой!»

Я по глупости считал:
Гений — исключение,
Став редактором, узнал:
Тысячи — не менее.

Вот такой пошел разлет,
Пироги такие вот,
Что ни шпарь, не доведет
Нас язык до Киева.

Бляди здесь и так и сяк —
Не нужны и даром нам,
Встретил в Лувре двух — ништяк,
Да и те из мрамора.

Эх, наколочки мои —
Со стрелою сердце.
Спой мне, Галя, от тоски,
Сбавай, Слава, скерцо.

Верю в правду, все за мной!
И запреты снимутся.
Водку с царскою ценой
Назовут «максимовкой».

Париж, 1980

ПАРОДИЯ НА СТИХИ Ю.КИМА

Когда задумчив я брожу,
Хлебнув винца, Венсенским парком,
Грущу о том, что не найду
Грибов на солку или жарку.
Но чаще думаю о том,
Как хорошо бы все устроилось,
И утряслось, и успокоилось,
Имей я личный самолет,
А также право на полет
Paris-Moscou туда-обратно,
Вот это было бы приятно.
Но личных самолетов нет —
За восемь бед один ответ.

Париж, 1983

III

---

*В этот раздел входят стихи,
которые поэт не предлагал для публикаций.*

ЗВОНАРЬ

В. Буковскому

Все пожег закат.
Угольки окон
Тлеют, как обряд
Тусклых похорон.

Ночь сошла с ума —
Тишиной орет.
Скорчились дома
В улиц переплет.

Не стерпя обид,
Там, где храм святой,
Нищий так кричит,
Если он немой.

Колокольный звон
Лезет — нервов лязг,
Колебанье... вон...
Лестниц перепляс.

Гонит, мнет плечо
Город, шагом бел,
С вечера еще
Он офонарел.

Давит тяжело
Крест сильней грехов —

Сам сбивал его
Из своих стихов.

От себя куда —
Не уйдешь бегом.
Бьется звон в дома,
Словно в стену лбом.

Чьей тоски почин?
Кто в ночи зовет?
Колокольни клин,
Да народ орет.

А звонарь, как рок,
Свесился в пролет,
Как скрипач смычок,
Он веревку рвет.

Сжато тело в миг,
Словно крик, парит,
И его двойник —
Колокол дрожит.

Вьет спирали мир,
Ну да он забыл
Глянцевость квартир,
Гладкий смех могил.

И круги от рук
Все круги свели
В бесконечный круг
Спятившей земли.

Вот пришли — держись! —
Те, кто держит твердь,
Серые, как жизнь,
Серые, как смерть.

Им за это приз.
Разве дрогнет бровь?
По ступеням вниз?
Нет! По звездам в кровь!

Вверх по ним в ночи
Лез, срываясь, он.
Их не научить
Слушать сердца звон.

Падал — не упал.
Вот он, чуть живой,
И к груди прижал
Колокол рукой.

Помогают встать
Пять, а может шесть,
Остальным — плевать,
Так пришли — глазеть.

Толк ведут с умом,
Говорят, что псих.
Кто-то за углом
Выпил на троих.

Прочь от этих мест,
Как пророки встарь,

Я несу свой крест,
Колокол — звонарь.

Жмут дороги, бьют
Крики палачом —
Вас нигде не ждут!
Барахло почему? —

Смех — аминь толпы,
Горечь верст без грез,
Вехами столбы
Тоненьких берез.

Да надежд огни,
Да костры потерь.
Следом по пути
Память, как метель.

Крутит все сильней,
Разошлась всерьез,
Но оставить ей
Только слякоть слез.

И до Бога нам
Видно не дойти,
Только здесь и там
Люди по пути.

Не «по ком звонит» —
Звон зовет в ночи,
Горизонт горчит,
Трудно, но кричи.

Не унять запал —
Колокольный звон,
Коли в горле встал
Комом
    шар
        Земной.

Москва, 1966

---

* * *

Слегка насвистывают ставни
С листа, и чисто
Сплетает в скверах ветер стансы
И, верно, Листа.

О руки листьев, рвущих просинь —
Аккорд в заборах!
Меня наощупь ищет осень,
Как будто в шорах.

Москва, 1966

---

* * *

Вечер — ветренный корнет —
Разодет в мундире синем,
Врет про блеск своих побед,
Осень сжав в объятьях сильных.

Просит ласковой любви
И подносит пунш заката,
Плюнув ветром на долги,
Мелочь звезд дает в расплату.

Осень сбросит руку-тень...
Вечер ждет отказ в ответе,
И булыжник деревень
Ждет корнета на карете.

Осень косит красный глаз,
Желтый колос распустив,
Осень просит десять глав...
На рассвете разбудив.

Москва, 1966

---

* * *

Сегодня день, как жизнь, слепой,
Какой-то муторный и тошный,
И ветер, дошный, как конвой,
Все лезет в тошее окошко.

Сегодня серое число,
И с крыш сбегают фонари,
И дождь, щекочущий стекло,
Ничто не смоеет до зари.

Москва, 1966

ЛЕФОРТОВСКАЯ БАЛЛАДА

Часть первая. О б ы с к

Все было проще, чем казалось,
Как неизбежный прочерк сна,
Меня опутала усталость,
Усталость принца без двора.

Паркет поскрипывал дорогой
И предвещал печальный путь.
Моей судьбе кричали: — Трогай! —
Но в этот раз не в этом суть.

Шаги шныряли по квартире
И отбивали такт судьбе,
Мои владенья потрошили
Четыре лба из КГБ.

И как подраненные птицы,
Что навзничь падают в поля,
Уткнули лица в половицы
Стихи — шальные векселя.

Я не кричал, не брал на горло
— Стихи руками не хватать! —
Не мне хлопчущим погоны
В героев бодреньких играть.

Им не икнется у иконы,
И, как купаву, купола

Сорвали б с радостью исконной,
Да, говорят, не та пора.

А что им тихий стих открытый?
Подмять его под штамп подков...
Откуда снимок позабытый
Среди поникнувших стихов?

Прости негаданную слабость,
Прости мне, деточка, не знал,
Что что-то все-таки осталось,
Давно я писем не писал.

Теперь когда еще придется?
Сквозь решето прольется синь,
Теперь одно лишь остается:
Шептать надтреснуто «аминь».

Сейчас не надо, хватит, тронут,
Закрой тревожные глаза.
Я уезжаю не с перрона,
Здесь не срывают тормоза.

Ты все напомнила жестоко:
Семья, друзья, свобода, Русь
Таким нахлынули потоком,
Что захлебнуться я боюсь.

А кагебиста взгляд надменен,
И нависает, давит срок.
Я на полу, я на коленях
Собрал и поднял сотню строк.

Я обречен, и мне не деться,
И, как земле вокруг оси,
Вокруг встревоженного сердца
Вертеться мне и не сойти.

Все только проще, чем казалось,
Как неизбежный прочерк сна.
Меня окутала усталость.
Ждала машина у двора.

Часть вторая. В в е д е н и е

Мне не держать в руках набата,
Москву на вече не собрать,
И сторожат меня ребята,
А этих, штатских, не пронять.

И здесь, Москва, смешного нету,
Оскал квартала убери!
Поэта, русского поэта
В тюрьму с Лубянки повезли.

Закат, шатавшийся устало,
За горизонт, за перевал,
Один, прощаясь, тучкой алой,
Чуть задержавшись, помахал.

Поэтов русских злая мода
Мне навязала серый бант —
Опять под следствием свобода,
Опять под следствием талант.

Следите, милые, следите,
Хотя достаточно следов —
Гирлянд на памяти гранита
Из отпечатков сапогов.

Одно боюсь — возьмёте время
И силы малые мои,
И я не встану рядом с теми,
Кого я встретил на пути.

Машина встала у темницы.
А двое в штатском всё молчат,
Они такие же, как тридцать
И как сто тридцать лет назад.

Им не понять, что так исправно,
Что просто так легко вдвойне
С трибун налево и направо
Кричать о верности стране.

Что умирать, должно быть, просто,
Хотя и очень тяжело,
На поле боя у погоста
За незабвенное село.

Но что трудней, невыносимо
Безвинно в ссылках загнивать
И зная — Родина убила, —
Любовь к России сохранять.

Им не понять, им не осилить...
А над Сибирью звездопад,
И дали скорбные России
Немым распятием стоят.

Да месяц вздрогнул и тревогу
Мне в оба рога протрубил.
Но кто там выехал в дорогу,
Чьи кони рвут ремень удил?

Чей гроб дрожит и, как в ладони,
Зажат мундирами солдат?
Кого, простите, так хоронят,
Что после смерти сторожат?

Молчат... Однако, если вспомнить,
Его, конечно же, они
Из Петербурга ночью темной,
Как черным ходом, провезли.

Курчавый бард, чего же проще,
Я узнаю лица овал.
Когда-то тоже ведь на площадь
Случайно только не попал.

А уносить так тяжело было
В последний путь такой талант.
Тот путь протаптывал спесиво
На Черной речке секундонт.

Дантес себя позором метил,
А смертный русский Аполлон
Упал, как будто бы отвесил
Последний Родине поклон.

Балбес отделался счастливо...
Стихи все дальше, напрямик,
Как образ мира прихотливый
И как удачливый двойник.

Как все, что смог, а жил в ударе...
Невыносимый трепет дрог...
Он слишком Богом был задарен,
Чтоб тот его еще берег.

А на дороге, на асфальте,
Казенной «Волги» впереди
Еще одно, без тени фальши,
Виденье врезалось в огни.

То демон ветреного света
Со злой печоринской судьбой.
Как блики солнца, эполеты
Я вижу в бричке кочевой.

Он в скорой смерти был уверен.
Мелькали ели, сенокос,
Да звезды русские на север,
Как камни в ночь из-под колес.

А там, за горной переправой
Его Грушницкий порох брал
И не имел на порох права,
И не на женщину играл.

Сошлись суровые вершины
Отпеть того, кто их воспел,
Кавказ вздохнул, смахнул лавину,
Еще немного поседел.

И все, что было бликом лета,
Как песни звук по облакам...
Я вижу нового поэта
И двух чекистов по бокам.

Я вижу профиль Гумилева.
Ах, подпоручик, Ваша честь,
Вы отчеканивали слово,
Как шаг, когда Вы шли на смерть.

Вас не представили к награде,
К простому, третьему кресту
На Новодевичьем в ограде
И даже скромно — на миру.

И где могила Мандельштама —
Метель Сучани не шепнет.
Здесь не Михайловского драма —
Куда похлеще переплет.

На глубину строки наветы
За голубую кровь стихов
В дорогу, синюю от ветра,
Этапом мимо городов.

И он строфы не переправит,
Но, умирая, понял вновь,
Что волкодавов стая травит
Не только тех, в ком волка кровь.

Как Пастернака гнали славно,
Визжали, рвали, злая прыть!
Московский Гамлет, Ваша правда,
И Вам-то, слава Богу, быть.

Часть третья. Душа

Чем дышишь ты, моя душа,
Когда остатки сна ночами
Скребут шагами сторожа,
Как по стеклу скребут гвоздями?

Так вот готовый эпилог
Твоей «Балладе о неверье».
В меня вгрызается глазок,
Презлой глазок железной двери.

Как в горле сгорбленный комок,
Мечусь по камере в дурмане.
И днями кружит потолок,
Как небо в нервном урагане.

Там, за решеткой на заре,
Там, за разделом хлебных паек,
На белокаменной зиме
Раскинул иней ряд мозаик.

Людей припомним не со злом.
Душа, сочувствий мне не требуй.
Пусть путь мой крив, как рук излом,
В немой тоске воздетых к небу.

Но вдруг, душа, в моей казне
Не хватит сил — привычка к шири —
И дни, отпущенные мне,
Одним движеньем растрянжирю?

А если я с ума сойду?
Совсем, как сходят без уловки,

На полном поезда ходу,
Не дожидаясь остановки?

Тогда все тяжкие грехи
Я при себе, душа, оставлю.
Ничто у Бога не проси...
Он сам решит — виновен, прав ли...

*Лефортовская тюрьма,
1967*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все чаще мне мерещатся скрижали
И кажется, что вечны все истоки,
Что всё о нас заранее сказали
Евангельские мудрые Пророки.

*

Опять на исповедь потянет,
А город гомоном аукнет,
В гражданство исподволь затянет
И строчкой на бумагу рухнет.

Опять прикинешься усталым,
Но тотчас вспомнишь о предтече
И, вздрогнув, скорчишься у ставень —
Поэзия — не красноречье.

Опять положишься на пылкость,
В минуты эти не до рока,
И на виске тревожной жилкой
Всю ночь пульсирует дорога.

Уснешь — и явится из мрака,
Как вдохновенье и отвага,
Свеча и призрак Пастернака,
Дорога Юрия Живаго.

Москва, 1967

ЮБИЛЕЙНОЕ

Подразлили к празднику еля,
Да заборы наскоро подкрасили,
Да в битком набитых бакалеях
Оставляли граждане по «красненькой».

А портрет великого предвестника
И вождя озлобленного люда
На воздушном шарике подвесили,
Чтобы был он виден отовсюду.

И орали лозунги по радио,
Листики бумажные мусоля,
Строчки, точно улицы, парадилы,
Но не ради правды или соли.

Тягостным молчаньем обходили
Пытки и смертельные исходы —
Все, что искалечил по России
Истовый «помазанник народа».

А его приспешников бывалых
Все свернуть на старое свербило,
Им покоя слава не давала,
Жажда силы души бередила.

Им доходы создали наветы,
Повышенья в чине приносили.

Вешаться бы надо — по Завету,
Да осин не хватит по России.

Бывшие чекисты увлеченно
Вспоминали в тепленькой квартире,
Как стреляли раньше в заключенных,
Словно по зверькам в грошовом тире.

И с великой датой сообразно,
Закусивши в кои веки сытно,
Пили водку граждане не праздно,
А всерьез и как-то деловито.

Не хотелось думать об обмане
Победившим в битве под Москвою,
О делах неладных в нашем стане
И делиться сдавленной тоскою.

О парижских думали гостинцах,
О своем растущем гардеробе
И о том, что выкинут пекинцы
Шутку нехорошую по злобе.

А в тюрьме Лефортовской, в несчастье,
Те, кто правду сдуру сделал целью,
Всё амнистий ждали, как причастья,
К празднику и общему веселью.

Но орал лозунги по радио,
Листики бумажные мусоля,
Строчки, словно улицы, парадилы,
И молчал народ о произволе.

Лишь портрет великого предвестника
И вождя взволнованного люда
На воздушном шарике подвесили,
Чтобы был он виден отовсюду.

Москва, 1967

---

* * *

*Ю.Даниэлю, А.Синявскому,
Ю.Галанскову, А.Гинзбургу*

Приснится синь, приснится блажь,
И все покажется ничтожным:
Мы — рьяный пыл, мы — пьяный раж,
Вираз планеты безытожный.

Но что-то снова бросит в дрожь
На нелюдимый лист бумаги,
И ты души последний грош
В незлобной выплеснешь отваге.

Но у поэтов нету прав
(Страну согнуло бремя цели) —
На слов призыв под звон литавр
Имеют право лишь лакеи.

И как с иконы поздний слой
Рукой дрожащею снимают,
Снимать нам ложь, как с язвы гной,
Черты России очищая.

Москва, 1968

---

* * *

А.Галичу

Мы заботами заболочены,
Очертила нас четко очередь,
И не хочется быть за бортом нам,
В Дон-Кихоты идти не хочется.

Все на свете ведь перемелется,
Так как мельницей мир вращается,
Ветер времени не изменится
От прекраснейших наших чаяний.

От обид кричать не положено,
А положено челобитничать,
Непреложное все изложено,
Если хочешь жить — надо скрытничать.

Надо скрытничать, надо каяться
В том, что было, и в том, что не было,
Только небо в глазах качается,
Небо тоже чего-то требует.

Вот и кинулся он, вот и бросился
В безнадежный бой и неравный,
Хоть и волосы не без проседи
И здоровьишко в неисправности.

Обвинили его в человечности,
Били кривдою так, чтоб корчился.

Мол, чего он связался с Вечностью
И с Бессмертием в заговорщиках.

От обид кричать не положено,
А положено челобитничать,
Непреложное все изложено,
Если хочешь жить — надо скрытничать.

Новосибирск, 1968

КОРОТКОЕ ПИСЬМО
К СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Не судите же, да судимы
И осуждены вы окажетесь.
Просто время необратимо,
Станет тайное явно каждому.

Просто память невыносима,
Хоть её и выносят заживо,
Не залечена рана гримом,
Хоть и кажется — все улажено.

И молчание не обманет,
И грядущее поколение
Вас ни славою не помянет,
Ни торжественным песнопением.

Не судите, да не судимы
Вы по кодексам нашим будете.
Только вечность проходит мимо,
Так незримо и так безудержно.

Так и думайте только «с ведома»,
Точно следуя указаниям,
Так молчите же до последнего,
Вплоть до вечного до молчания.

Только приговор ради истины
Правды именем будет вынесен,

И не выпросить вам амнистии,
Не спасет вас, как прежде, вымысел.

Не судите же, да судимы
И осуждены вы окажетесь,
Просто время необратимо,
Станет тайное явно каждому.

Москва, 1968

---

* * *

Дорóгой трепетно и рьяно
Россию вновь читаю я.
Стоят церквушки деревянные,
Как расписные вензеля.

Стоят соборы, как заглавие,
Храня рассказ про старину,
Про то, что трепетно прославило
В века печальную страну.

Леса им стали переплетом,
Их контур, полный простоты,
Напомнит то, что позолота
Должна идти лишь на кресты.

Наземным северным сиянием
Светлее высится собор
И, словно с вечностью свидание,
Прервет ненужный разговор.

С погоста к далям сумасшедшим
Кривые тянутся кресты —
Следы давно от нас ушедших
За темный полог пустоты.

Звенят сосульками березы
И тают, канув в синеву.

Колокола дрожат, как слезы,
И застывают на ветру.

Меня же все в разьезды носит.
А птицы тянут к небу клюв,
И наступает снова осень,
Свои хоругви развернув.

Москва, 1968

---

* * *

Навалился на улицы снег,
Подминая дома под себя,
Целый город в смятенье поверг,
На лопатки бросал, теребя.

Перепутал он все, разметал.
Сбились с толку, столкнувшись, дома,
Он смешал угловатый квартал
И пониженные терема.

Наспех белыми нитками сшил
Небосвод с одуревшей землей,
Пронизал его насквозь до жил,
Ворошил и приказывал: — Стой!

Злобным воем машины зашлись,
И, таращась глазницами фар,
Колотились они не на жизнь
О глухой ледяной тротуар.

И о стены метели крутой,
Как в покоях больной о кровать,
Бились люди впотьмах головой,
Словно некуда было бежать.

Навалился на улицы снег,
Подгребая дома под себя,
Целый город в смятенье поверг
В невеселый денек января.

Москва, 1968

---

* * *

Не спится мне, а надо бы уснуть
(Как душен воздух лагерной палаты),
Не пишется, а надо вырвать суть
Из сердца, расщепив его, как атом.

Я жив еще. Вы слышите, я жив!
Не для нажив, не просто ради смеха.
Как надо мной судьба ни ворожи,
Я для нее пока еще помеха.

И право же, зачем себя беречь,
Зачем прослыть бояться иноверцем —
Безумная игра не стоит свеч,
Но стоит же она шального сердца.

Тюмень, лагерь, 1969

К «ЛАГЕРНЫМ ЭКСПРОМТАМ»

З а м е т к а в м е с т о п р е д и с л о в и я

Я бросил вызов Родине моей,
Когда ее войска пошли на Прагу.
Бессонницей Лефортовских ночей
Я право заслужил на эту правду.
Я бросил вызов Родине своей,
Плакат на площадь бросил, как перчатку,
Нет, не стране, а тем, кто ложь статей
Подсовывал народу, словно взятку.
И думал я, зачем себя беречь,
Пусть назовут в газетах отщепенцем,
Безумная игра не стоит свеч,
Но стоит же она шального сердца!

В м е с т о п р о л о г а . К р а с н а я П р е с н я

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.

О.Мандельштам

Назад уже поздно, мосты сожжены.
Лишь пепел летит за спиною.
Как судоргой, судьбы людей сведены
Глухой пересыльной тюрьмою.
Не жди, не надейся в душе сохранить
Приметы любви и тревоги,

Как желтые листья, прошедшие дни
Взметнутся и рухнут под ноги.
Здесь сил не хватает на вздох и на крик,
И пафос поэм неуместен,
Но чьи-то стихи я хочу повторить,
Чтоб слышала Красная Пресня.
Когда-то вот здесь на волне баррикад,
Как пена, метались напевы,
И люди бросались вперед из засад,
Дороги назад перерезав.
Но месть роковую октябрьских дней
Сменила расправа репрессий,
Чистилищем стала для тысяч людей
Лубянка, Лефортово, Пресня.
Их сотни стонало в застенках тюрьмы:
Ведь мы невиновны, поверьте,
И шли, «под собою не чуя страны»,
Этапами медленной смерти.
Я вспомнить хотел эти несколько слов
И дать им рождение второе.
Мой голос не слышен за десять шагов,
Но явственно слышен конвоем.
Имея наручники, незачем бить,
Железо врезается в тело.
— Мы живо научим свободу любить! —
Кричит капитан оголтело.
Но зря ты себя, капитан, растравил,
Тебе ли учить нас свободе...
На Лобное с лозунгом я выходил,
Как только к барьеру выходят.
А старую песню ты лучше б не пел,
Ты брось про отцов и про дедов,
Не ради того, чтоб ты руки вертел,

Они добивались победы.
Не ради того, чтоб сгноило Чека
По тюрьмам тогда пол-России,
Не ради того, чтобы в Прагу войска
Без всякого спроса вводили.

*

Закат повис, вцепившись в облака,
Вода скрипит по днищу самоходки,
На берегу сгружают лес зека
За черный хлеб и хвост гнилой селедки.
Нас двое на борту цепляют строп,
Все остальные маются на суше.
Когда-нибудь загонят бревна в гроб,
И штабеля завалят наши души.
Пока что мы как будто на ногах,
А страх не держат в лагерях за редкость,
Но ветер рвет канаты впопыхах,
И нас несет с размаху на запретку.
На вышке передернут автомат,
И мы скользим по слизи мокрых бревен,
Виновные, что живы, а солдат
Само собою в этом невиновен.
Вот он поднялся, разгоня лень,
Прицелился и взялся за работу,
Тень облаков легла, как смерти тень
Ложится на последних поворотах.
Ему отметят завтра, что побег
Он оборвал своей надежной пулей,
Над головой взметнется серый снег,
Как знак для нас, что мы уже загнулись.

И жалко, что лишь год не досидел...
Да что мне все атаки, все дуэли,
Когда б еще назначенный расстрел,
А то стрельба по неподвижной цели.
Но кто-то дал конвойному отбой,
И автомат отбросил он устало,
А тишина звенит над головой,
Как над столом хрустальные бокалы.
Объятями встречают нас зека,
Сегодня спасены мы от забоя,
И только долго снится тот закат,
Махнувший нам прощальной рукою.

*Тюмень, лагерь,
1969-1971*

---

* * *

Утро косится воровато,
Снег сверчком под окном скрипит,
Тень, как узник мечась, обратно
Возвращается с полпути.

Сны, как розы за ночь засохнув,
Распадаются на глазах,
Бой курантов разводит вохру,
Задыбевшую на часах.

Сходят пятна фонарной сыпи
С лика улиц, как пот со лба...
Вот и с этим рассветом свыклись,
Как с махоркою голытьба.

Москва, 1974

---

* * *

Я верю, что святые купола,
Затертые угрюмыми домами,
Нам прозвенят — мы с вами, с вами, с вами,
Запечатлеют наши имена.

Вена, 1976

ПЬЯНАЯ БАЛЛАДА ИЛИ ПРИГЛАШЕНИЕ НА ТАНЕЦ

Только песней славится душа!
Остальное — трын-трава запоя.
Выкинь-ка, девчонка, антраша,
Что-нибудь цыганское такое.

Разлетись по алым лепесткам,
Закружи, как кружит доля наша
По полям, психушкам, по холстам,
По дорогам злым и бесшабашным.

День и ночь с судьбою на ножах,
Козыри назло — сплошные пики,
Не гляди на этих парижан,
Мы их перекупим, перекричем.

Мы из мира треснувших корыт,
Им ли с нами лихостью тягаться...
Звон в ушах такой, как звон копыт
Конной с Александровского плаца.

Струны рвет, как вожжи, гитарист,
Как лихач на скользком повороте.
Дни пройдут и рухнут вниз под свист,
Словно невский лед в водовороте.

Пусть его гитара от тоски
Даже перепутает аккорды,

Мы тебе дадим на гребешки,
Мы, пойми, совсем иной породы.

Взять бы вот химер, ты нам поверь,
Тех, что заскучали в Нотр-Даме,
Да на водопой свести к Неве —
Светлыми запели б голосами.

Только там на нашу на беду
Все давно просеяно сквозь сито.
Конь остановился на лету,
В воздухе висят его копыта!

Только песней славится душа!
Остальное — трын-трава запоя,
Выкинь-ка, девчонка, антраша,
Что-нибудь цыганское такое!

Париж, 1978 .

---

* * *

Над печалью моей небоскребы
Не склоняют стеклянные лбы,
Я в нью-Йоркские вышел трущобы
Из Норильска и Воркуты.

Ярким светом размеченный город,
Словно зона с названьем «Запрет»,
Тот же гонор в душе, тот же голод
За десятки растраченных лет.

И по бликам фонарного света,
По расплывчатым желтым следам
Мы уходим, но песня не спета —
Эта песня останется нам.

Париж, 1978

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

*...А за окнами снег,
а за окнами белый мороз,
Там бредет моя белая тень
мимо белых берез.
А.Галич*

На панели играет скрипка,
То как всхлипнет, а то как вскрикнет,
И последний пятак французский
Дам я парню в разорванной блузке,
Ибо если б в смычок ударил
Он в моей дорогой стране
(Без досмотра и всяких правил),
То его бы конвой заставил
Встать как водится — по струне.

*

— Где же брат твой, — спрашивали Каина...
Ну а если, скажем, спросят нас,
Где могилы братьи неприкаянной,
Что делила с вами горький час?

Что нам шум реклам и телекамеры,
Что вернуться к прошлому запрет,
Ведь о многих даже и не знаем мы,
Есть у них могилы или нет!

Лишь хрипит гармонь про жизнь счастливую:
Слаще спать, мол, без могильных плит...
Как слеза скупая, молчаливая,
Безъязыкий колокол дрожит.

В чашах ели ветром зимним сближены,
Лижут лапы, фыркая во тьму,
И везут этапом светлокнижников
Через Пресню Красную в Потьму.

*

Душа бредет по мутным снам,
Как бы по лужам по осенним...
По воскресеньям в Нотр-Дам
Играют Баха во спасенье.

И раздувает звук орган,
И окрылен листвою ветер,
Но листья падают к ногам,
И бьет закат по крышам плетью...

Среди непризнанных могил
Могила барда есть в предместьи.
Он жил — как пел, и пел — как жил,
И даже смерти не заметил.

Как песни звук по облакам,
Аккорд гитары оборвался...
Играют Баха в Нотр-Дам —
— Того, что Галичу являлся.

P.S.

Знаю — разговоры между пройдами:
«Вот уехал и погиб уже».
Лучше умереть вдали от родины,
Чем прожить без родины в душе.

Париж, 1978

---

* * *

Часы напоминают мне наручники,
Их каждый оборот мне вены рвет.
Со сколькими друзьями мы разлучены,
И сколько впереди разлуки ждет...

Париж, 1979

---

* * *

Опять туман, как в сказке детской...
И пахнут порохом зрачки.
Не отмахнешься фразой меткой
Ни от любви, ни от тоски.

Париж, 1981

---

* * *

Спросишь о чем, а в ответ только взгляд и молчанье,
Я, как впотьмах, как в неведанной ране глуши.
В черных глазах не найдешь даже тень очертанья
Верной ли мне или вовсе неверной души.

Париж, 1981

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИНТЕРВЬЮ «РУССКОЙ МЫСЛИ»

Что Вы думаете о советской поэзии, в частности, о Евтушенко и Вознесенском?

В ответ на этот вопрос мне хотелось бы рассказать о гибели поэтов моего поколения. В ноябре 73-го в Потьминских лагерях погиб мой друг Юрий Галансков. Многие поэты, из тех, кто читал в 60-е годы свои стихи на площадях Москвы, сошли с горизонта: время от времени их забирали на принудительное лечение в больницы общего типа и с помощью аминазина и инсулина пытались отучить от вредного занятия писать и читать. Еще в 65-м году 18-летний Леонид Губанов писал:

Спрячу голову в два крыла,
Лебединую песнь прокашляю,
Ты — поэзия, довела,
На руках донесла до Кашенко.

Но есть и другой вид поэтической смерти — духовное оскудение. Потеря собственного голоса за счет добровольного согласия совместно с хорошо налаженным хором грянуть гимн. Поэтам свойственно предсказывать свою судьбу: всем известны «не смейся над моей пророческой тоской» Лермонтова или «это сделал в блузе темносерой невысокий старый человек» Гумилева.

Мне кажется, что и Евтушенко предвидел свою судьбу.

И как бы Вы теперь ни утешались,
Замкнулся круг — назад возврата нет.

. . . . .

...И потеряла обаянье ложь.
Следят за Вашим измененьем
Хозяева с холодным подозреньем,
С насмешливым презреньем — молодежь.

Эти строки принадлежат Евтушенко и посвящены К.Симонову; давным-давно они ходили в самиздате, а сейчас вернулись к поэту и приобрели черты автопортрета. Заранее предвижу возражения: да, конечно, с кем не бывает, и, понизив голос, — ведь даже сам Пушкин... Но как воскликнул один мой московский друг: «Кто Шаховской, а кто Чаковский, и к Бенкендорфу ни ногой!»

Вспоминаю одну из встреч с Евтушенко. Я приехал к нему в Переделкино просить, чтобы он выступил в защиту только что арестованных. Открыто протестовать он отказался, однако обещал связаться с верхами. То же самое несколькими годами позже он ответил, когда его просили хоть что-нибудь сделать для умиравшего в лагерной зоне Галанскова. Может быть, он и связывался, но слишком долго связывался...

В ту нашу встречу Евтушенко искренне отговаривал меня от гражданских протестов. Говорил, что я гублю свой талант. Что становление поэта невозможно без публикаций. Что это — то же самое, как если бы художник не мог отойти от своего полотна ни на шаг, чтобы взглянуть со стороны. Говорил, что сам он за одно настоящее стихотворение, опубликованное миллионным тиражом на всю Россию, готов написать 10 поденных, готов унижаться.

Я спросил: «А не думаете ли Вы, что унижения равно убивают в Вас поэта?» Он возразил, что зато крепко стоит на ногах, набил руку, еще многое сможет... Вообще Евтушенко вел себя по отношению ко мне с доступной ему поря-

---

дочностью. Даже как-то осмелился прислать мне в лагерь сборник своих стихов с дарственной надписью. Я был неблагодарным и ответил ему эпиграммкой.

Не знаю, дошло ли мое послание «из глубины сибирских руд» до пиита. Скорее всего, из почтового ящика лагпункта перекочевало оно в папку упомянутого в эпиграмме лейтенанта. Так или иначе, но наш диалог оборвался. Я рассказываю сейчас все это по одной причине — Евтушенко безусловно человек одаренный. Он одарен не столько поэтическим талантом, сколько талантом публициста и актера. В эпоху так называемой оттепели он сыграл свою положительную роль. Но уже в 60-е годы появилась поэма «Братская ГЭС», в которой плотина все о чем-то спорит с Египетской пирамидой. Даже сталинские жертвы там упомянуты как излишние, но все же оправданные, и залог тому — плотина.

Тогда же мне посчастливилось прочитать статью Синявского об этой поэме. Сейчас я уже толком не помню статьи, осталось только ощущение: Синявский говорил, что никакими плотинами, никакими идеалами жертвы оправдать нельзя. Что Евтушенко как раз и строит ту самую пирамиду, что все произведения соцреализма и есть по сути пирамиды разной величины.

Статья была предназначена для журнала «Новый мир», вскоре Синявский отправился в лагерь, в печати статья, естественно, не появилась, а Евтушенко опубликовал в том же «Новом мире» поэму о Ленине. Поэму эту нельзя назвать бездарной, многие находили ее даже крамольной — «много намеков, он что-то имел в виду». В конце поэмы Евтушенко провозглашает во здравие России: «За будущих Ульяновых твоих!» Эти строки я читал на лагерных нарах...

Чем осторожнее становился каждый шаг Евтушенко в России, тем легче и звонче звучали его шаги на подмост-

---

ках зарубежных эстрад. Просвещенный Запад, в отличие от нашей темной Родины, продолжает видеть в нем не только «величайшего и талантливейшего поэта нашей эпохи», но и поэта самого гонимого. Его изнурительная борьба за мир во Вьетнаме вызывает слезы, его всепрощающая любовь к России разрывает сердца. Евтушенко сейчас почти на самой вершине возводимой им пирамиды.

Он писал: «Я делаю себе карьеру — тем, что не делаю ее». Он и вправду не делает себе карьеру. Он просто выполняет свой общественный долг. За гранью пирамид не видно лагерей... Только поэтический вкус стал ему изменять. Неловко звучит «под кожей статуи Свободы». Что поделаешь, «замкнулся круг — назад возврата нет».

Что касается Вознесенского, то великолепная статья Н.Рубинштейн о творчестве Вознесенского «Билет на панихиду», напечатанная в журнале «Время и мы» №18, кажется мне вполне исчерпывающей.

Вы часто выступаете на политических собраниях. Как Вы оцениваете борьбу эмигрантов за права человека в СССР?

Я никогда не считал и не считаю себя политическим деятелем. На мой взгляд, нелепо говорить о политической борьбе, имея в виду страну, в которой не существует самых элементарных гражданских и человеческих прав. Советский режим в силу полной замкнутости отличается от всех существовавших диктатур той особенностью, что подпольная борьба бессмысленна, обречена на кровавый провал. И призывать к такой борьбе или выдавать рекомендации политического преобразования я считаю дело безответственным. Поэтому борьба за гражданские права и гласность, поддержка духовного сопротивления, которое существует в России,

---

— это единственный возможный путь. Думаю, что этим принципам вполне соответствует не безошибочная, но безусловно плодотворная деятельность журнала «Континент». Из Москвы мне пишут: «"Континент" читаем от корки до корки». Естественно, что и помимо «Континента» многие люди совершенно разных взглядов и убеждений прилагают свои усилия в том же направлении.

Кто может свободнее себя чувствовать в СССР — политический диссидент или «подземный» поэт, — и если эти две сущности живут в одном человеке?

Я процитирую строки Ильи Габая, поразительного поэта и учителя, известного диссидента, трагически погибшего в Москве в 73-м году:

Есть честный страх — в текучке лживой
В такой-то месяц, час, число
Вдруг променять на верность слов
Живую жизнь и душу живу.
Быть знатоком словесных дел,
Лихим в литье аллитераций,
Куда как проще, чем добраться,
Чем слить себя в чужой беде...
Уходит доброта — куда?

И.Габай был редким человеком. В нем сочетались талант, подлинная глубинная образованность, гражданское мужество, печаль за людей, душевная чистота и искренность, тонкость, искрящееся остроумие. Его обожали все — ученики, уголовники в лагере, друзья. После лагерей он вернулся в Москву, но ему не дали возможности писать, пре-

---

подавать, таскали на допросы, угрожали, требовали хоть формального, но раскаяния. Рука Габая никогда не вывела ни одной лживой строки...

*Париж,
23.II.1978*

«НЕТ МЕНЯ, Я ПОКИНУЛ РОССИЮ...»

(Памяти друга)

Случается, что люди попадают в историю. Собственно говоря — это дело нехитрое. Истории бывают, как известно, разные. Бывают и мировые. Реже люди попадают в легенды, ибо историю можно написать по заказу, но легенду — никогда. Много раз пытались, сочиняли разную чепуху про Лениных, Чапаевых, Лазо. Миллионы тратили, фильмы снимали, бюсты повсеместно расставляли — ничего не получилось. Легенды эти рассыпались на глазах, обращались в едкий анекдотец. Настоящая легенда — всегда вещь подлинная, как бы далека ни была она от формального течения жизни, от так называемых фактов.

Сколько уже было легенд о Высоцком, сколько еще будет.

Сам он писал по этому поводу:

Нет меня, я покинул Расею,
Мои девочки ходят в соплях,
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях.

Кто-то вякнул в трамвае на Пресне:
Нет его, умотал наконец,
Ну и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский дворец...

или:

Тот, с которым сидел в Магадане,
Мой дружок по гражданской войне
Говорит, что пишу ему: «Ваня,
Скучно, Ваня, давай, брат, ко мне».

Я как-то подумал — зря Володя отнекивается. Он действительно, день за днем, всю свою сознательную жизнь воевал, сидел в лагерях, уезжал из России, возвращался в нее. Только никогда, ни на секунду Россию не покидал.

В одну из легенд о Высоцком я попал в качестве случайного персонажа. Произошло это так. В 68-м году я вдруг решил потребовать чего-то довольно бессмысленного и уж во всяком случае никак невозможного: короче говоря, прогулялся с друзьями по Красной площади, держа в руках кусок материи со словами: «За вашу и нашу свободу». Гулял недолго, ибо решено было, что мне следует несколько прохладиться, и с этой целью за казенный счет отправили меня в Сибирь. На пересылке случайно оказался мой подельник в соседней камере, и я, срывая голос, устроил концерт по его заявке. Слова неслись по гулкому коридору, тюрьма затаила дыхание. Читал, конечно, и Высоцкого, все, что позволяла память. За что был вознагражден американскими наручниками и переведен в камеру особо опасных преступников. Весь этап я проехал в отдельном купе, и это обстоятельство позволяло конвоирам безбоязненно обращаться ко мне: «Спиши слова Высоцкого». За это меня не только по первому требованию выводили в туалет, подносили воду, но и передавали подарки от особо опасных — водку. Провезти водку по этапу — сложнее, чем протащить верблюда через игольное ушко. Но особо опасные выкидывали и почище фокусы, такие штуки откалывали, что даже свиту Воланда привели бы в недоумение...

Ну, а потом —

Все закончилось, смолкнул стук колес,
Шпалы кончились, рельсов нет.
Эх бы взвыть сейчас, жалко нету слез,
Слезы кончились на земле...

. . . . .

Что вы там пьете, мы почти не пьем,
Здесь только снег при солнечной погоде.
Ребята, напишите обо всем,
А то здесь ничего не происходит...

Страшней быть может только Страшный Суд...
Письмо мне будет уцелевшей нитью,
Его, конечно, мне не отдадут,
Но все равно, ребята, напишите.

...Писем, как правило, не отдают, и потому каждый новый этап встречают на зоне бесконечными расспросами. А этап — не только корабли ГУЛага, но и колыбель легенд, и, едва возникнув, легенды разбредаются по лагерям и ссылкам, то исчезая, то появляясь вновь, и пытаются остановить их так же нелепо, как изловить и зафрахтовать Летучего Голландца.

Почти в каждом этапе, приходившем на нашу Тюменскую зону, непременно находился кто-нибудь, кто безапелляционно заявлял: — Да, в Свердловске, помню, дело было. Везли этапом в отдельном купе какого-то чудака-поэта с нерусской фамилией, в американских наручниках, всю дорогу стихи читал. А в другом купе везли Высоцкого. Так менты Высоцкого до того уважали, что даже гитару на этапе не отняли...

Вновь прибывшему объясняли, что чужак-политик как раз на этой зоне. Вели знакомить и укоризненно качали головами: — Что ж ты нам, земляк, тюльку гонишь, мол, Высоцкий в Париж катает, когда он с тобой одним этапом шел. Что ты темнишь, мы уж не продадим — скажи, на какой он командировке, мы ему через волю грев организуем...

И сколько я ни убеждал, что не сидит Высоцкий, блатные и неблатные только посмеивались — у вас там своя конспирация...

Никак я себе представить тогда не мог, что окажусь в Париже и встречу там с Володей...

Каждую песню Высоцкого я по многу раз переживал, и особенно в эмиграции. Ждал новых... Ибо голос Высоцкого — это голос России.

И вот душная ночь на 25 июля...

На душе такая копоть,
Хоть к чертям неси,
Только слез давно не копят
На святой Руси.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

Высоцкий не мог жить ни в России, ни на Западе. Там он задыхался, и его постоянно унижали официальными запретами и неофициальными приглашениями: «Меня зовут к себе большие люди, чтоб я им пел "Охоту на волков"...». А на Западе он знал, что его песни будут непонятны, даже если их хорошо переведут.

В одной из последних песен он писал:

Я когда-то умру, мы когда-нибудь все умираем,
Как бы так угадать, чтоб не сам, чтобы в спину ножом...

И объясняет:

Убиенных щадят, отпевают и балуют раем,
Не скажу про живых — а покойников мы бережем...

Но машины его разбивались вдребезги, он лежал в реанимации, и всё кончалось благополучно. Бог его хранил и не отпускал с Земли.

Символично, что последний его концерт был в Польше, где он спел песню «Монумент», рождавшую аналогию с фильмом Анджея Вайды «Человек из мрамора». В этих стихах он предсказал судьбу своего творчества, там есть такие прекрасные строки:

Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет...

Дано датскому радио в декабре 1982. © Хелли Мышкиной.

В Советском Союзе уже выпущен сборник его стихов под редакцией Роберта Рождественского, в который не только не включены многие прекрасные песни Высоцкого, но даже изменены слова и выпущены целые строфы. Потрясающее надругательство! В России годами не печатали таких поэтов, как Ахматова, Мандельштам, Пастернак и т.д.; но их стихи хотя бы не искажали. Это новая манера советских деятелей искусства в штатском.

Высоцкий — один из трех самых известных бардов в России, которые ни в одной своей песне, даже на заданную тему, не прославляли советский строй.

Первые песни Высоцкого были о блатных, и в последних он пишет о компании своего детства, об атмосфере послевоенной Москвы, в которой он вырос, когда «из эвакуации толпой валили штатские», т.е. партийные чиновники. На западной пластинке Высоцкого с песнями, которые, конечно, не выпущены в Советском Союзе, есть такие замечательные слова:

Дети бывших старшин да майоров
До ледовых широт поднялись,
Потому что из тех коридоров
Им казалось сподручнее вниз.

Дети, остававшиеся во время бомбежек, осады Москвы, когда из нее уехал Сталин и все руководство, переживали и ощущали послевоенную атмосферу очень серьезно. Это было поколение беспризорников, потерявших отцов или оказавшихся в разрушенных после арестов и войны семьях. Об одном из своих друзей детства Высоцкий рассказывает:

Да он всегда был спорщиком,
Припрут к стене — откажется.
Прошел он коридорчиком
И кончил стенкой, кажется.

И Высоцкий, как начинал с беспризорника военного детства, так и кончил беспризорником в состоянии войны.

Есть такое понятие — народный поэт. В Советском Союзе считаются народными поэтами Пушкин и Некрасов. Но кто в народе знает толком их стихи? Эта мысль принадлежит Александру Блоку, который написал статью об Аполлоне Григорьеве, авторе знаменитых цыганских романсов. В современной России, я считаю, есть три народных поэта — Аполлон Григорьев, Сергей Есенин и Владимир Высоцкий. Вот один эпизод. Я только возвратился из лагерей и ехал к друзьям на ссылку. Мы сидели в вагоне-ресторане за одним столиком с двумя пассажирами, спорили, я на чем свет ругал советскую власть. Пожилой пассажир неожиданно на станции вышел, а молодой говорит:

— Вы с ума сошли, это начальник лагеря, я с ним еду в одном купе. Он вас сдаст немедленно!

Я был еще побрит. И моя жена очень испугалась. Через некоторое время пожилой пассажир вернулся с водкой, мы продолжили разговор. Оказалось, он едет в Сибирь к сыну в гости через всю Россию и везет в подарок пленки Высоцкого.

И еще один эпизод на похоронах Высоцкого. Мы, конечно, не могли приехать, так как для нас границы Советского Союза закрыты. На похоронах было около пятидесяти тысяч человек. И это в оцепленной на время Олимпиады Москве. Знаменитый режиссер театра на Таганке Любимов принес пачку фотографий Высоцкого. К нему бросилась толпа. И он в отчаянии, не зная, что делать, боясь, что его разорвут на части, отдал эту пачку милиционеру. И тут какая-то пожилая женщина в слезах закричала: «Кому ж ты отдал фотографии Высоцкого! Менту!» Милиционер бросил форменную фуражку оземь, зарыдал: «Да что ж я — не человек, что ли!»

ПИСЬМО КОРНЕЯ ИВАНОВИЧА ЧУКОВСКОГО БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ ДЕЛОНЕ

Дорогой Борис Николаевич!

Что сказать Вам о тех стихах Вашего внука, которые Вы сегодня прислали ко мне?

Первое впечатление: незрелые стихи очень даровитого мальчика. Иногда не выдержан ритм, иногда небрежна рифмовка. Но всегда есть крепкий лирический стержень — верный признак подлинного поэтического дарования. Дарование чувствуется уже в его первых юношески наивных стихах, трогательно посвященных Вам, дорогим предкам. Замечательно, что в этих ранних стихах, озаглавленных «Стихи о счастье», поэт прославляет спокойствие духа, уравновешенность чувств. Он даже готов похвалиться своим бесстрашием. Обращаясь к другу, говорит так:

...к бесстрастью моему
зависть тихую питаешь...
Я ж к безумью твоему.

Корней Чуковский ознакомился со стихами Вадима Делоне, присланными ему дедом поэта, Б.Н.Делоне, в то время, как Вадим находился в тюрьме в ожидании суда по делу о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года. Передавая свой отзыв о стихах Вадима Борису Николаевичу, К.И.Чуковский дал прямое разрешение использовать этот документ во время процесса. Письмо было оглашено на суде защитником Вадима С.В.Калистратовой и, по ее ходатайству, приобщено к делу.

Но бесстрашие, очевидно, было у него временным, проходящим. Прочие стихи, даже ранние, выражают смятенность чувств. Эта смятенность — даже в стихах о природе:

Колокольни ясные на заборы молятся,
Колобродят ясени, к осени готовятся.

Не мое дело давать Вам отчет о содержании стихов. Содержание обычное в поэзии юношей: влюбленность, тоска, мечтательность, но если говорить о форме, можно с уверенностью сказать, что в позднейших стихах она становится все более зрелой, все более артистичной. Виден несомненный рост дарования — о нем свидетельствуют хотя бы эти стихи о колокольнях и другое стихотворение, «Среди ночи концерт Мендельсона».

Словом, мне кажется, что Ваш внук на верном пути, и что если он будет работать над своим дарованием, советские читатели приобретут в его лице сильного большого поэта.

Но работа предстоит ему упорная.

Ваш

Корней Чуковский

[Осень 1968 года]

Вадим с дедом. Абрамцево, 1954.

В.Делоне и И.Белгородская. Москва, 1971.

В.Делоне и А.Глезер. Москва, 1975.

**Вена, 1975. На переднем плане слева направо:
Б.Крайский, И.Тигрид, В.Некрасов, В.Делоне.**

И.Белгородская, В.Некрасов, В.Делоне.
Цюрих, 1977.

В.Максимов, А.Галич, В.Делоне. Париж, 1977.

**В.Делоне. Париж, 1981.
Фото Г.Файфа.**

«БЛИЖЕ БРАТА...»

Познакомились мы раньше, чем на площади, а подружились позже — в общем-то, сначала заочно, пока Вадим сидел. Пока в течение нескольких дней шли обсуждения места и времени будущей демонстрации, был и такой разговор: «Только Вадику Делоне не говорите: с нами еще бабушка надвое сказала, а на нем уже и так условный срок висит». Не помню даже, я это сказала или Лариса, но мысль эта была нашей общей. Сомнений в том, что он, если узнает, точно пойдет, ни у кого не было. И все-таки он на площади появился.

И это было хорошо. В его словах на суде о пяти минутах свободы на Красной площади, за которые не жалко заплатить годами лагеря, не было ни тени рисовки. Для всех нас была это невероятная радость, а для него еще и искупление за продолжавшее его мучить, не вполне идеальное поведение на предыдущем суде. (Написав «не вполне идеальное», я не иронизирую: оно, действительно, было всего лишь не на все сто процентов идеальным. В последнем слове, наслушавшись адвоката, который сваливал всю вину на тех, кто втянул бедного мальчика в нехорошие дела, Вадим возмутился и практически взял назад даже то частичное признание вины, которым начал процесс. Просто суд в своем приговоре предпочел этого не заметить и изобразил Вадима раскаявшимся. А общественное мнение в те времена было непримиримым — позже и худшие вещи прощались куда легче.)

Нет, пожалуй, мы все-таки подружились не заочно, а за те три часа, что провели в «полтиннике» — 50-м отделении милиции на Пушкинской улице, ему уже хорошо знакомом по прошлой демонстрации. Наверно, именно здесь (на площади было не до эмоций) и возникло между всеми нами то ощущение, которое я после смерти Вадима сформулировала словами «Ближе брата...».

Потом был суд. Хоть и подельница, я была по эту сторону, «у закрытых дверей открытого суда» (формулировка Ильи Габая — увы, тоже покойного). Все, что я могла сделать, — это по клочкам записей, сделанных в зале суда теми, кто был туда допущен, восстанавливать тексты — сначала, в спешном порядке, последних слов, а потом и всей записи суда. Последнее слово Вадима всех поразило. По молодости, по лирическому темпераменту от него ждали — ну, что ли, поэтических завихрений, красот. А оно было сдержанное, глубокое, проникновенное без экзальтации, мудрое и, в общем-то, негромкое — тем весомее и громче оно звучало. Это впечатление подтвердила потом Софья Васильевна Калистратова, защищавшая Вадима: «Нам, защитникам, Вадим — тем, как он вел себя и что говорил в ходе процесса, — подсказал не одну чисто юридическую идею». Это Вадим, мальчишка! И еще позже, когда уже был готов «Полдень» с полной записью процесса, одна из добровольных машинисток, перепечатывавших рукопись, сказала мне: «А Делоне-то! Моложе всех, а какая точность, безошибочность в каждом слове, в каждом ответе!»

В приговоре Вадима «переродили», то есть переменили ему и дату и место рождения. Судья Лубенцова, по кличке Лубянцева, не дала себе труда посмотреть в дело: она списала данные прямо с предыдущего приговора, только

ошиблась строчкой, и «данные» были не Делоне, а Кушева. Софья Васильевна на кассации доказывала, что это достаточное основание для отмены приговора, поскольку по всей формальности приговор вынесен некоему другому Вадиму Делоне, родившемуся не там и не тогда, но кассационный суд — хоть и не имел на то права — постановил просто исправить ошибку. И другую — тоже: Лубянцева со заседатели приговорили Вадика к двум годам «плюс год неотбытого срока», чтоб было ровно три. Когда на кассации обнаружилось, что из этого года Вадим восемь месяцев отсидел, ему дали вместо двух два с половиной (чего кассационный суд делать опять-таки не вправе: он может либо утвердить приговор, либо смягчить, либо отправить дело на новое судебное рассмотрение). И опять мы стояли у закрытых дверей, только теперь не на улице, а в коридорах Верховного Суда РСФСР на ул.Куйбышева. А потом этот верховный-верховный суд зачитал свое постановление, отпечатанное на машинке, и в машинописном тексте от руки были исправлены дата и место рождения Вадима: постановление было готово до заседания.

Чего я вдалась в эти крючкотворства, которые вроде бы вовсе и не воспоминания о Вадиме? Не знаю, но мне кажется — он был бы доволен, что, вспоминая его, я вспоминаю и все эти, с ним, в конце концов, связанные детали. Мы все были в той или иной степени крючкотворами в те годы, и это, надо сказать, здорово бесило судебные и следственные власти.

В начале ноября 69-го в Новосибирском аэропорту (так и хочется сказать: на Новосибирской пересылке — из-за слова пересадка, или память рассказов о том, с каким грохотом, с какой обалденной популярностью проехал Вадим за год до того по всем уральским и сибирским пересылкам)

я написала Вадиму длинное письмо, в которое ухитрилась всунуть даже новости о последнем политическом процессе с участием Софьи Васильевны Калистратовой. И письмо проскочило цензуру, хотя Вадим не получал почти ничего: всё задерживали. Но об этом я узнала только в 72-м году, освободившись сама, когда Вадим уже несколько месяцев был на свободе. В Доме композиторов показывали фильм «Бумбараш», а в своем кругу Юлик Ким менял слова песенки и пел, обращаясь к Ире Белгородской:

Ты стояла с одним молодым демонстрантом...

Потом пошло печальное. Вскоре Иру посадили. Вадим бегал с передачками, вечером работал осветителем в Зале Чайковского. «А ты в тюрьме, и больше силы нет ни бросить, ни закончить строки эти. Прости, что не увез тебя от бед...»

...В декабре 1975 года, на месяц позже Ирины и Вадима, я приехала в Вену, и с тех пор, в принципе, мы уже не расставались, хоть иногда не видались неделями, а то и месяцами. Перезванивались по телефону, не раз — по телефону же — с Вадимом переругивались, но не поссорились ни разу.

Мы как-то всё друг друга «встречали»: то они, «старожилы», встречали меня в Вене, то я — уже чуть ли не два месяца парижанка (хоть и жила в предместье) — водила их по Парижу, то они стали настоящими парижанами, жителями бульвара Сен-Мишель, а я только-только перебиралась по-настоящему в Париж из своих кретежских Черемушек. В Вене Вадим подружился с моим младшим сыном — это было то же самое чувство: «ближе брата». Иначе, как «подельничек», он Оську никогда не называл, а семилетний подельник, дорвавшись до венского Пратера, вытряс из

Вадьки все его месячное беженское пособие. Но Вадику было не жалко. А может быть, и повадка эта наглая напомнила ему уголовный лагерь, о котором теперь он вспоминал ностальгически.

Ностальгия его тоже не была рисовкой — это было ясно даже мне, патологически неспособной к ностальгии. Я помню, как в первый вечер я водила Вадима и Иру по Парижу: они глядели и не видели. Чуть-чуть отошли только на Сен-Мишеле (после жизни на мрачной улочке у ворот Клиши, которая любви к Парижу явно не способствовала). Здесь, в квартирке под крышей, с окнами на Люксембургский сад, Вадим мне признался:

— Более-менее я с ним примирился, с твоим Парижем...

Как только мы перебрались и поселились по соседству, Вадим повел меня в угловое кафе, где хозяин его невероятно уважал. На каком языке Вадим с ним разговаривал — непонятно, но все сумел рассказать, и, появившись там первый раз, я обнаружила, что все: и хозяин, и постоянные посетители — знают не только, что это «поэт рюсс», но и про демонстрацию, и про лагерь. И каждый раз, когда Вадим с Ириной давно уже съехали оттуда на — как назло, опять мрачную — Азиль де Попенкур, хозяин все меня спрашивал: «Ну, как Вадим?» И я сообщала очередные новости. Пока не пришла с последней...

Люксембургский сад попал даже в стихи Вадима. Конечно, в ностальгическом контексте и рифмуясь с Петербургом, но даже и это казалось мне какой-то надеждой на чуть бóльшую открытость к тутошней жизни, хотя бы чуть большее приятие чужого пейзажа. Впрочем, пейзаж был довольно родимый:

— Захожу, понимаешь, в Люксембург, — восторженно рассказывал Вадим, не выговаривая половины букв, но

зато великолепно грассируя, — а там сидят на травке Энтин с Хвостенко, и бутылка красного вина...

И не просто встреча с дорогими приятелями его так восторгала, а неожиданный посреди города Парижа русский дух, та Русь, которой веселие и невеселие — одно и то же.

Нет, он так до конца и не смог смириться с тем, что он — «тут», а не «там». Заботы о друзьях, оставшихся в России (заботы не только душевные, но и постоянные материальные: посылки с каждой оказией, раздобывание лекарств и хлопотливая их переправка), помогали ему самому жить, поддерживали его. Но постоянно сверлившая мысль (не холодная головная мысль, а мысль-эмоция, чувство, ощущение), что лучше хоть в лагере, да «там», — она, конечно, давала тему стихам, заставляла биться их пульс, но его съедала, его собственный пульс останавливала и останавливала, пока совсем не остановила.

...Вместе с последним дошедшим до Вадика письмом его горячо любимого друга Юлика Кима Ира опустила на гроб и эти стихи. Поэтому я решаюсь ими закончить.

ЭПИТАФИЯ

Ближе брата, первым из семерых,
самый младший — туда, где возврата нету.
Сладкой жизни слаше ли был семерик,
чем кайло и лопата по мерзлому снегу?

Так — уснуть и проснуться подальше земли,
за запреткою, над КПП и брусчаткой...
За ключими звездами нас отмоли,
удели нам скорыя помощи братской.

Н.Горбаневская

СОДЕРЖАНИЕ

«Мне мнилось — будет все не так...»	7
I	
Концерт Мендельсона	11
«Колокольни ясные на заборы молятся...»	12
«Пусть каналы рвут камелии...»	13
Тень	15
«А гуси гуськом угасают в тумане...»	16
«Не пройдет прощанье карнавалом...»	17
«Я огорошен звездным небом...»	19
«А Москва опять меня обманет...»	20
«Ты ищешь свое отраженье...»	21
Лагерные экспромты	22
Заметки к автобиографии	27
«Душа неделима и, льдинкою вниз...»	33
«Есть воля, есть судьба, есть случай странный...»	34
«Ветер красной играет листвою...»	35
«Что родной заколдованный круг площадей...»	36
«Воробы и грабители, посетители кладбища...»	37
«Перезвоны городских трамваев...»	38
«А камни с шуршаньем ложатся в песок...»	39
«Вся душа в пограничных ребристых столбах...»	40
«Я взгляды буржуазные бичую...»	41
Баллада о судьбе	42
Венеция	44
«Тени синью набрякли...»	45
Баллада Памяти Владимира Высоцкого	46
«Всё позади... и близких не найдешь...»	49
Поэт и профессор	50
«Лучше бы пить вино...»	51
Неотправленное письмо	53
II	
Моя роль в революции	57
«Спасти стараясь от маразма...»	58
«Ходят слухи по Москве, бродят слухи...»	59

Улыбка в собственную сторону	61
Пародия на песню Высоцкого «Вещий Олег»	62
Письмо Евтушенко	64
«Не спится мне, не спится...»	65
Отъездная антисемитская	66
Ария Армана Малумяна	67
В.Максимову к 50-му дню рождения	70
Пародия на стихи Ю.Кима	72

III

Звонарь	75
«Слегка насвистывают ставни...»	80
«Вечер — ветренный корнет...»	81
«Сегодня день, как жизнь, слепой...»	82
Лефортовская баллада	83
Возвращение	92
Юбилейное	93
«Приснится синь, приснится блажь...»	96
«Мы заботами заболочены...»	97
Короткое письмо к советской интеллигенции	99
«Доро́гой трепетно и рьяно...»	101
«Навалился на улицы снег...»	103
«Не спится мне, а надо бы уснуть...»	104
К «Лагерным экспромтам»	105
«Утро косится воровато...»	109
«Я верю, что святые купола...»	110
Пьяная баллада при приглашении на танец	111
«Над печалью моей небоскребы...»	113
Памяти Александра Галича	114
«Часы напоминают мне наручники...»	117
«Опять туман, как в сказке детской...»	118
«Спросишь о чем, а в ответ...»	119

ПРИЛОЖЕНИЯ

Интервью «Русской мысли»	123
«Нет меня, я покинул Россию...»	129
Из интервью о Владимире Высоцком	133
Письмо Корнея Ивановича Чуковского Борису Николаевичу Делоне	136
Н.Горбаневская. «Ближе брата...»	139

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 11 AVRIL 1984
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE

N° 8651